

Фото Парисы Бондарь

Зачет по истории

Память без аббераций

Правда о войне живет в архивах

Аркадий СОСНОВ

▶ Противоречивые распоряжения руководства по поводу эвакуации... Из-за суровых условий работы часть сотрудников пришлось распустить по домам... Жить трудно, умереть легче, похоронить покойника всего труднее...

Не правда ли, странные аналогии с нашей ковидной реальностью навевают эти строки из блокадных дневников директора Архива АН СССР, кандидата исторических наук Георгия Князева. Но тогда все было гораздо страшнее: 8-9 воздушных тревог в день, 20 ноября 1941 года паек уменьшился до 125 граммов хлеба в сутки, с декабря в городе отключили электричество, из-за лютого холода люди месяцами спали в пальто, шапках и уличной обуви, не хватало сил растопить печку, даже если были дрова. «Мы в осажденном городе и, может быть, доживаем не только последние дни, но и часы как свободные граждане великого Советского Союза», - писал Георгий Алексеевич Князев 19 сентября 1941 года, обозначив на схематичном плане центральной части Ленинграда здания, в кото-

рые попали бомбы. В их числе - чудом уцелевший «академический» дом на набережной Невы, в котором он жил.

И все-таки архив продолжал работать, сохраняя документальные реликвии академии с петровских времен (свыше трех погонных километров полоч!), не прекращая научные исследования; сюда приносили

план провалился. Летом 1941 года из 49 академических учреждений, действовавших в городе, организованно эвакуировались только три института: Физико-технический, Радиовый и Химической физики. Неразбериха и «расхлябанность - преступная наша черта» (из дневника Г.Князева) привели к тому, что об институтах с богатейшими научными

“Отечественной науке война нанесла ужасный урон: погибли лучшие студенты, добровольцами ушедшие на фронт, были остановлены многие исследования, которые так и остались незавершенными.

свои незавершенные труды (что для ученого может быть дороже?) уезжающие профессора - после войны эти материалы были возвращены владельцам. Сюда успели перевезти документы Пулковской обсерватории - за несколько дней до того, как она была разбомблена. Из-за непредвиденно быстрого продвижения фашистских войск к Ленинграду довоенный мобилизационный

коллекциями и архивными собраниями попросту забыли. Архивисты взяли на себя ответственность не только за спасение сверенных им ценностей, но и за сбережение документов в других хранилищах. Буквально «на своих двоих» изможденные сотрудники переносили в архив рукописи из квартир умерших ученых, понимая, что это важно для будущих поколений.

В академическом архиве и поныне хранятся отчеты и заключения о разработках ученых, оказавшихся в кольце блокады. Даже краткий перечень тем показывает, что ими занимались институты разного профиля: размагничивание кораблей, создание средств против обледенения самолетов и рецептуры новых высококачественных сталей, составление таблиц стрельбы для артиллеристов и расписания восходов и заходов Солнца и Луны, изготовление препарата против цинги из хвои, транскрипция и перевод топонимов на военных картах... Все возможное и невозможное - для фронта и тыла!

Подвигу ученых в годы Великой Отечественной было посвящено совместное заседание Объединенного научного совета по обще-

выступили научный руководитель Института лингвистических исследований РАН академик Николай Казанский и директор СПбФ АРАН член-корреспондент РАН Ирина Тункина. Для участников было моральным долгом в год 75-летия Великой Победы напомнить о ее уроках и творцах.

- Отечественной науке война нанесла ужасный урон: погибли лучшие студенты, добровольцами ушедшие на фронт, были остановлены многие исследования, которые так и остались незавершенными. В гуманитарной области эти потери ощущаются до сих пор, - сказал, открывая заседание, председатель Объединенного научного совета по общественным и гуманитарным наукам СПбНЦ РАН Николай Казанский.

А дальше заговорили документы. Так, на примере будней ленинградского архива, запечатленных его директором при тусклом свете тлеющей лампадки, с риском для жизни из-за содержащейся в дневниках «крамоль», видно, что эта победа складывалась из невероятных усилий каждого. В дневнике много фамилий: гасивших зажигательные бомбы на крышах институтских зданий, везущих ослабевшего коллегу на тележке в больницу, работавших до последнего вдоха...

Собравшиеся в Малом зале СПбНЦ РАН решали и чисто академическую задачу. Заседание состоялось в рамках международной научной конференции «Миллеровские чтения-2020: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального научного наследия». Она проводилась в

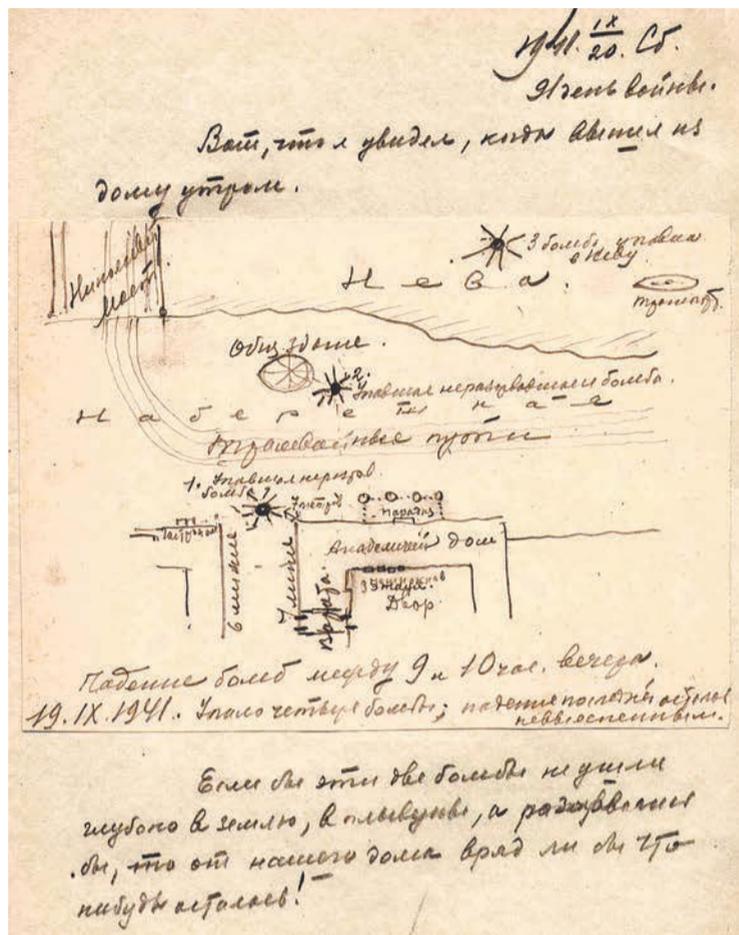
роли инициаторов и ведущих

315-ю годовщину со дня рождения российского академика Герхарда Фридриха Миллера (1705-1783), стоявшего у истоков первого научного архива в России. Цель «Миллеровских чтений» - привлечь внимание к проблемам сохранения и изучения мирового научного и культурного наследия, а значит, и самоотверженную деятельность ученых в годы Великой Отечественной следовало рассматривать как общемировую ценность.

- Многие доклады касались конкретных судеб членов академии, частью эвакуированных, частью оставшихся в Ленинграде, - отметил Н.Казанский. - При этом эвакуированные создавали на новых местах научные школы, которые продолжали действовать после их возвращения домой. С этой точки зрения война сыграла определенную, до конца не изученную роль в развитии интеллектуального и промышленного потенциала страны. И мы стараемся восполнить этот пробел. Один из докладов был посвящен эвакуации собраний Эрмитажа в Свердловск и ее значению для гуманитарного развития Урала. Недавно вышла книга члена нашего совета, профессора РГПУ им. А.И.Герцена Юлии Кантор «Побратимы», в которой публикуются и омысляются документы, свидетельствующие о том, как принимали в разных регионах Советского Союза эвакуированных ленинградцев.

На заседании шла речь о подлинном феномене - организации науки в осажденном Ленинграде. (В мире не было ситуации, когда на протяжении долгих месяцев институты лишены самых необходимых ресурсов, а сотрудники работают на грани жизни и смерти). В частности, об организующей роли архива как спасительного ковчега для научного и культурного наследия и чуть ли не единственного места в городе, где ученые выступали с сообщениями и докладами. Темы этих докладов были разнообразны и нередко далеки от военных реалий: об устройстве виноградников в Древнем Риме, о русско-американских отношениях в XVIII веке и т.д. Но, как писал Г.Князев, «нас всех подняло это заседание: научная работа не прекращается даже в самое страшное время».

Архив хранит уникальные человеческие документы. Вот докладная записка математика, академика С.Н.Бернштейна в Президиум АН с просьбой вернуть его в Ленинград из санатория «Боровое» в Казахстане «для непосредственного обслуживания фронта и прифронтовой полосы». Или протоколы заседаний Комиссии по делам ленинградских учреждений АН СССР. Возглавлявший ее филолог-классик, академик С.А.Жебелев скончался от голода

28 декабря 1941 года. Сменивший его на этом посту арабист, академик И.Ю.Крачковский наотрез отказывался от эвакуации, и лишь в конце июля 1942 года был вывезен из Ленинграда в состоянии крайнего истощения. В блокадном городе из членов АН СССР к августу 1942-го оставался только физиолог, академик А.А.Ухтомский, который вел исследования по травматическому шоку для нужд обороны. Он

града, «как птички небесные», бросив свои коллективы. Сам он постоянно был рядом с сотрудниками, считал приоритетом сохранение архивных документов, но продолжал работу и над редактированием истории Академии, отправляя очередные главы в Казань руководителю этого проекта академику С.И.Вавилову. В декабре 1941-го, когда утонувшее в сугробах здание архива окончательно вымерзло,

Подчас могли помочь, лишь сколачивая в читальном зале гробы из ящиков, приготовленных на случай эвакуации.

Снеобычайной скрупулезностью изучала эти дневники сотрудник СПБФ АРАН Наталья Прохоренко. По ее словам, автор боялся одного: что в любой момент его квартиру могут разбомбить и пропадет труд, адресованный «дальнему другу». То есть нам, ныне живущим. Но

циативная группа, предложившая собрать материалы о громадной научной работе, проделанной в осажденном городе. К началу 1944 года в Дом ученых вернулись сотни заполненных анкет. Но «Сборник трудов ленинградских ученых в дни блокады» так и не вышел в свет. Историки науки видят в этом один из предвестников «ленинградского дела». В январе 1947 года корректуру, содержащую аннотации свыше 1000 опубликованных и неизданных исследований 480 авторов и сведения о них, по указанию президента АН СССР С.И.Вавилова передала в академический архив, что и спасло ее от уничтожения. И.Тункина убеждена, что издание этой книги в наши дни станет достойным памятником уважения и благодарности ученым блокадного города.

- Самое главное, что от общих представлений о войне мы переходим к пониманию душевного величия тех, кто без остатка отдавал свои силы для Победы, сохраняя в нечеловеческих условиях внутренний нравственный стержень. Это полное самопожертвование без подчеркивания жертвенности, характеризовавшее лучших представителей нашего общества, и стойкое ощущение единства в защите города и страны у всех - от лаборанта до академика, - подвел итоги заседания Н.Казанский. ■

“ От знаний, которые должны быть школьными, мы переходим к пониманию состояния тех, кто без остатка отдавал свои силы для Победы, сохраняя в нечеловеческих условиях внутренний нравственный стержень.

тоже не хотел покидать город - сначала отправил в тыл оборудование своей лаборатории и некоторых сотрудников. Рюрикович по происхождению князь А.А.Ухтомский пережил первую блокадную зиму, но умер 31 августа 1942 года.

Были и другие «герои», о которых с горечью упоминал в своем дневнике Г.Князев, - институтские начальники, которые при первой возможности упорхнули из Ленин-

пришедшие на дежурство сотрудники собирались в темной проходной комнате, единственной, где была плита. При всем том Г.Князев остро осознавал трагедию «расчеловечивания»: люди уже не в состоянии помочь угасающим сослуживцам (в архиве сохранились их записки с отчаянными мольбами) и вынуждены, страдая от голода и холода сильнее, чем от снарядов, думать о собственном выживании.

труд не пропал, блокадные дневники Г.Князева изданы, архивные документы той поры сохранены. И теперь никто не скажет, что в череде блокадных испытаний что-то могло быть так или иначе. Архив - это память без aberrаций.

Член-корреспондент РАН Ирина Тункина в своем докладе сказала, что весной 1943 года в ленинградском Доме ученых им. М.Горького АН СССР возникла ини-

Дорогие читатели!

Продолжается подписка на 2021 год.

Выписать газету можно в любом отделении связи. Вы легко найдете «Поиск» в каталогах агентств «Урал-Пресс», «Роспечать» и «Пресса России».

Наши подписные индексы

«Урал-Пресс» 29855 - подписка на полугодие
и «Роспечать» 19021 - годовая подписка
«Пресса России» 43298